

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЯ РОССИИ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

УДК 94(47+57): 323

Липатова Н.В.

УЧИТЕЛЬ, ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПОЛИТПРОСВЕЩЕНИЯ 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА*

Аннотация. До принятия единой программы обучения в 1929 году система политического просвещения в СССР была цементирующим элементом школьного образования. Вместо дореволюционного учителя-наставника должен был появиться и появился учитель-агитатор, учитель-общественник. На отношениях учителя с учениками, родителями, чиновниками власть отрабатывала методики и технологии пропаганды, механизмы взаимодействия социальных групп в советском обществе.

Ключевые слова: политпросвещение, общество, учительство, школа, власть, идеология, система образования.

Новые государства нуждаются в устойчивой идеологической схеме. При этом не имеет значения, меняется ли устройство в стране или образуется новая суверенная единица на политической карте мира. Самостоятельность требует идентификации: либо через прошлое, либо посредством будущего, но любом случае процесс сознательного конструирования единства неизбежен. Очевидно, что система школьного образования не сможет остаться в стороне, так как именно она требует перестройки в первую очередь. В 20-е годы XX века происходит отказ от прежней системы мировоззрения и активное формирование нового взгляда на мир у нового общества. Появляется новый тип человека, впоследствии названный Homo soveticus. Система политобразования сыграла в этом превращении не последнюю роль.

Государство делает ставку на школу, независимо от времени и эпохи, так как для нового государства, нуждающегося в утверждении и наращивании потенциала, усилении влияния среди соседей, образовательная система является базой идеологии и политики. Опыт конца XX века в постсоветском пространстве – это череда образовательных экспериментов, подтверждающих тезис о важности образовательного компонента в системе государственной политики. Страны СНГ

демонстрируют разные подходы в этой области. Это и попытки изменить предметную систему подготовки специалистов в **Казахстане (программа развития образования Республики Казахстан на 2005-2010 гг.)**, так как прежние «общеобразовательные стандарты образования, основанные на предметном подходе, не дают ученику четко выраженной позитивной мотивации выбора жизненного пути, интересов и перспектив»; и введение в обязательную школьную программу Туркменистана изучения трактата духовных наставлений «Рухнама» Туркменбаши. Наиболее открытые формулировки об идеологической функции школьного учителя содержатся в заявлениях правительства Республики Беларусь: «Прежняя система гражданского (идеологического) образования разрушена, новая еще не создана... и растерянные, задавленные материальными проблемами и учебной нагрузкой преподаватели едва ли способны сами разобраться в сути происходящих перемен, не говоря уже о том, чтобы воспитывать гражданственность и вселять социальный оптимизм. Им не хватает политических знаний, уверенности в будущем и – самое главное – ценностных ориентиров. Отсутствие внятной государственной идеологии лишает школу ее воспитательной миссии» [Бобрович В., 50]. В начале строительства советского государства на это счет никаких недомолвок не было, «школа является политическим учреждением, которое устанавливает государство в своих целях... Наша школа должна быть коммунистической» [Балашов Е.М., 30], - заявлял нарком просвещения А.В. Луначарский. С помощью политики ликбеза и всеобщей начальной грамоты (всеобщее начальное образование появится в СССР только в 1931 году) планировалось сформировать единообразное представление о существующем государственном устройстве. С некоторой долей допущения это можно назвать формированием альтернативной гражданской религии [Erengе Rayger, 217] одним из способов внедрения которой является всеобщее начальное образование и его агентом школьный учитель. Вопрос был только в том, каким дол-

* © Липатова Н.В.

жен быть этот агент и как он должен встраиваться в систему политпросвещения.

Данная статья рассматривает систему политпросвещения с учетом новых задач, стоящих перед учительством. Новое государство отказывалось готовить учителя-наставника, отдавая беспорное лидерство учителю-агитатору, учителю-общественнику, так как это более соответствовало целям государства – «готовить из рабочего и крестьянина практического работника революции, вооруженного методами марксистского подхода к конкретным вопросам революционного строительства» [Резервы марксизма, 2]. Следовательно, целесообразно рассматривать не отдельные части системы политобразования, а ее цельность в условиях смены социальных мерок общества. А первой ступенькой, несомненно, была школа.

Политическое просвещение и изучение основ существующего строя стало цементирующим в школьной системе, так как до 1929 года не существовало единой программы обучения школьников. Материал школяры осваивали по трем направлениям: природа и человек, труд, общество, т.е. материалистическое понимание природы, трудовые задачи социализма и построение нового социалистического общества и борьба с капиталистическим отсталым, что полностью соответствовало политическим задачам школьного образования и возлагаемым надеждам на то, что удержать результаты революции сможет только школа [Куршева Г.А., 322]. Для тех, кто посещал школы малограмотных или пункты ликбеза политические знания можно было получить в многочисленных кружках, партшколах, курсах и т.д. Первой обязательной для всех рабочих (коммунистов, комсомольцев, беспартийных) объявлялась единая партшкола. Ее программа обучения состояла из 15 тем, рассчитанных на год занятий [Молот Октября, 3]. Второй ступенькой стали марксистско-ленинские кружки (ленинизма, политэкономии, исторического материализма, истории ВКП(б), экономической политики, истории международного рабочего движения), кружки текущей политики и тематические кружки. Для подготовки управленческих кадров каждый губком получал разрядку на *подготовку специалистов в вузах*, преимущественно по экономико-техническому профилю в столицах и сельскохозяйственному, педагогическому и идеологическому в местных вузах. В среднем на губернию квотировалось от 50 до 75 мест в разных вузах страны [Трудовая правда, 1]. Общее число учреждений политпросвета в губерниях колебалось от 500 до 1500, включавшие школы, пункты ликбеза, библиотеки, музеи, а чуть позже и кино-театры, в которых крутили, как правило, картины «Пролеткино».

Единство полипросветительской системы и

школы обуславливалось не только многочисленностью схожих структур, но единой программой. Например, учебные материалы для занятий с малограмотными, которые издавались комиссиями по ликвидации неграмотности и малограмотности рекомендовали занятия из 55 занятий, и примерно 28 тем, так как на часть тем отводилось по два иногда три занятия [За грамоту, 1]. Большинство занятий предлагалось в утверждающей формулировке - предлагая уже готовые суждения по рассматриваемым вопросам. Особое внимание уделялось первому занятию «Строим новую жизнь. Октябрь!». Слушателю в начале занятий предлагалось задать несколько наводящих вопросов: «Почему вы остались малограмотным?», «Для чего нужно учиться?», «С каких пор взрослые трудящиеся получили возможность учиться?», «Кем организуются школы по ликвидации неграмотности взрослых?» [За грамоту, 1].

Школа стала испытательным полигоном для построения новых отношений власти с обществом. Для этого предстояло работать не только с детьми, но и с родителями. Избирательные комиссии, участие в профсоюзах, многочисленных общественных организациях, атеистической пропаганде, хлебозаготовительной комиссии, коллективизации, просветительских мероприятиях, облигационных займах – не было ни одной сферы в жизни общества, с которой бы не соприкоснулось учительство. Учителя организовывали кружки коммунистического воспитания для рабочих на заводах, поскольку оценка эффективности учительского труда зависела от того насколько сильно и бесповоротно ему удастся «пропитать духом партии и ее идей рабочие массы». Государство делало ставку на педагогов, поставив цель превратить учительство в действенный оплот советской власти. Суть постановления ЦК РКП(б) 1926 года «О работе среди работников просвещения» состояла во «втягивании учительства в интересы и творческую работу Советского государства...» [Гришанов П.В., 212] и использование общественной активности учителей в шефской работе в Красной Армии, в рабочих и сельских клубах и других культурно-просветительских учреждениях.

Быть членом месткома, культкомиссии, комиссии по охране труда, членом правления клуба, делегатом, общества «Долой неграмотность», «ДОБРОХИМ», «Безбожник» – почти служебные обязанности учителя, занимающие львиную долю рабочего времени. И это к нагрузке учителя (24 часа уроков в неделю) прибавляло еще до 30 часов в неделю, не считая времени на подготовку к урокам, проверку тетрадей и т.д. Собственно на это просто не хватало времени, так как «быт и вся жизнь просвещенца определяются тем или иным участием и общественной жизни, та часть работ-

ников, которая целиком и полностью вовлечена в общественную работу, бывает занята по 12 часов в сутки, причём 25 - 30% этого времени отнимает общественная работа» [Фасхутдинова Е.Н., 15].

Практика привлечения учителей, школьной системы к выборам и другим общественным мероприятиям сложилась в 20-е годы и как-то сразу прижилась. До сих пор избирательные участки располагаются в школах, на родительских собраниях в той или иной форме озвучивается агитационная информация. Шансы у кандидата в местные депутаты встретиться с населением в рамках эпизода на родительском собрании, гораздо выше, чем ждать потенциальных избирателей, дав объявление в газете или по радио, фактически приписанная учительству задача в 20-е годы до сих пор жива. «Задача просвещенцев заключается в том, чтобы привлечь внимание населения к перевыборной кампании Советов через вовлечение в эту работу всего просвещенческого актива в порядке производственной и общественной нагрузки» [Суворов М.В., 93]. Для этого проводились родительские и ученические собрания с разъяснением целей и задач перевыборной кампании. Учителями организовывался выпуск стенгазет, посвященных перевыборной кампании, проводился обход избирателей по домам с проведением собраний и предвыборной агитацией, большая работа чисто технического характера была проведена просвещенцами во время отчетно-перевыборной кампании: заполнение повесток, составление и проверка списков избирателей, изготовление лозунгов, плакатов.

Продажа книг в наиболее крупных селениях была еще одной задачей работников просвещения, учитель агитирует, особенно работников библиотек на покупку книг. Именно так представлялось авторам «Предложения об использовании учителя по распространению книги в деревне». Издателям и распространителям помощь учителей, органов управления образованием для выявления спроса и потребностей населения в книгах и их продажи была необходима. Естественно, к современной школе эти критерии не применимы в полной мере, но все же через школу, классных руководителей организуются подписка на газеты и журналы, собираются подписи, обеспечивается массовость на каком-либо мероприятии, распространяются книги и т.д. Это своего рода привычный информационный ресурс. Ведь очевидно, что на рекламный проспект журнала, газеты или книги, принесенный школьником домой, даже современный занятый родитель обратит внимание быстрее, чем на тот же самый буклет, брошенный в почтовый ящик или пришедший на электронный адрес.

Значительная часть учителей в большей или меньшей степени откровенности не поддержива-

ла мероприятия несвязанные с педагогическим процессом. Особое недовольство вызывало привлечение учителей к антирелигиозной пропаганде, так как зачастую ухудшало их отношение с населением, и существенно влияло на условия жизни, делая невозможным выполнение других общественных задач. По тем же причинам тяжело, по мнению руководства, шла работа комиссий по коллективизации, которые организовывали посевную и хлебозаготовки. Многие учителя отказывались от участия в таких комиссиях и в результате превращались в группу идеологически чуждую властям и подлежали увольнению, так как чиновники настаивали на замене их более сознательными кадрами, которые сильно уступали в подготовленности и педагогическом профессионализме, но должны были превратить школу в среду, пригодную для выращивания новых убежденных защитников и приверженцев власти Советов. Вместе с тем, школьный учитель должен был стать низовой частью пролетарско-крестьянской интеллигенции, обслуживающей интересы власти и нового еще несознательного советского общества. На естественный ход событий времени не было, потому что политика создания угодных власти педагогических кадров использовала такие же революционные, авральные методы, принесшие победу большевикам. В основу были положены принципы классовости и массовости охвата. Идеальной моделью представлялась возможность учиться у себе подобных, т.е. дети рабочих и крестьян должны были учиться у рабочих и крестьян, ставших учителями. С одной стороны это открывало новые возможности для рабоче-крестьянской молодежи получить среднее и высшее педагогическое образование, перейдя в отряд советской учительской интеллигенции, с другой, должно было облегчить использование новых учителей на общественной работе, которая для них будет естественной и само собой разумеющейся.

В системе школьного образования большая роль отводилась комсомольцам. Именно они – надежные и правильно мыслящие должны были работать, пополнять ряды новой интеллигенции. В период с 1929 по 1932 год от комсомола было направлено в школы и на обучение 2 тысячи учителей с высшим и 35 тысяч со средним образованием, и еще 50 тысяч комсомольцев пошли работать учителями начальных классов [Гришанов П.В., 167]. Эта система работала очень четко и отлажено и превратилась в источник постоянного пополнения педагогических кадров. Стране нужны были люди, не связанные с социальным прошлым, ни мировоззренческими традициями царской России. Именно такой социальный материал был нужен для выковки нового учителя. Советская власть сознательно шла на подобный

шаг, в большинстве случаев в ущерб качеству и уровню профессионализма, так как политическая благонадежность нового учительства для воспитания «строителей светлого будущего» и «борцов за идею» была важнее, чем его профессионализм. Массовое привлечение в школы молодых женщин тоже стало элементом сознательной политики государства. В педагогических вузах в 1924-25 учебном году женщины составляли 61,9% студентов, а в педагогических техникумах 55,9%, в следующем году в вузах обучалось 62,5%, а в техникумах 63% женщин-студенток [Шакулова В. С., 80]. Сфера образования, по крайней мере, школьного, в стране превратилась в женскую вотчину с самого начала формирования нового состава учителей. Собственно это не являлось целью руководства. Просто непопулярность профессии учителя и низкая заработная плата не привлекали молодых людей в педагогические учебные заведения. Женщины в 20-е годы составляли основную массу учителей, в частности в Уральской области их было 61,7%, в губерниях Верхнего Поволжья в школах 1 ступени около 60-65% педагогов-женщин, в Казанской губернии количество женщин педагогов 74,1%, в городах, в не города 49,1% [Фасхутдинова Е.Н., 17]. Комсомольские активисты отмечали факт более лояльного отношения к агитационным мероприятиям учителей-женщин по сравнению с учителями-мужчинами. В «Положении о работе среди девушек» предлагалось обратить особое внимание на работу с учительницей, так как в ситуации, когда родители не пускают девочек в пионерские или комсомольские кружки из-за необходимости домашней работы, рекомендовалось обращаться за помощью к учительнице: «Через учительницу, не чуждую нам по психологии надо втягивать девушек в комсомол» [Вопросы комсомольской работы, 2].

Политика в отношении учительства – это строительство нового социального здания, когда по воли архитектора-государства сначала все сносятся и выравнивается, а потом возводится заново. Можно назвать этот процесс социальным манипулированием или грамотным выстраиванием социальной политики. Новое учительство не складывалось путем поэтапных изменений в обществе. Учительство как социальная группа сознательно конструировалось властями, и в итоге, государству удалось добиться относительной однородности социального состава учительства, заплатив снижением уровня подготовки не только самих учителей, но и, как следствие, уровня подготовленности выпускников школ. Если в рамках ликбеза это было не очень заметно, то по прошествии революционного внедрения массовой грамотности, критерии качества стали играть большую роль, и необходимость реформирования школы была

снова возведена в ранг государственной задачи, вылившаяся в компанию по открытию педагогических и учительских институтов. Агитационная деятельность нового учителя была более успешной. Он сочетал в себе много функций: ушедшего в прошлое общинного старосты, посредника между обществом и властями, мальчика для битья, рупора власти, транслятора властных решений и источника информации для властей о настроениях крестьян и рабочих. Итогом политики государства в отношении учительства и его ответного агитационно-общественной исполнительности стала относительно эффективная система агитации и пропаганды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Erenge Rayger. The Invention of Tradition in Colonial Africa / Erenge Rayger. // The Invention of Tradition Edited by Eric Hobsbawm and Terence Ranger Cambridge Univ. Press. 1983, - P. 211-262
2. Балашов Е.М. Школа в российском обществе 1917-1927 гг.: становление нового человека. / Е.М. Балашов. - СПб, изд-во Д. Буланин. - 2003.
3. Бобрович В. Государственная идеология «За» и «Против»: местная анестезия или лекарство для больного общества/ В. Бобрович // Адкрытае грамадства. Інфармацыйна-аналітычны бюлетэнь. - 2001, N1(10)/
4. Вопросы комсомольской работы. Самара. № 1. 1924.
5. Гришанов П.В. Партийное руководство осуществлением всеобщего в годы социалистической реконструкции народного хозяйства (1926-1937) / П.В. Гришанов. Дис. ... д-ра исторических наук. СГУ. – Саратов. - 1983.
6. За грамоту. Саратов. 1924. № 5.
7. Куршева Г.А. Общество, власть, образование в России в конце XIX- 1-ой трети XX века (на примере Мордовского края). / Г.А. Куршева. Дис.... докт. ист. наук, МАРГУ. - Саранск. - 2007.
8. Молот Октября. Самара. 1929. 3 октября.
9. Резервы марксизма. Саратов 1925, № 32.
10. Суворов М.В. Уральское учительство в 1920-30х гг. / М.В. Суворов. Дис. ... канд. ист. наук. УрГПУ. - Екатеринбург. - 2005. – 231 с.
11. Трудовая правда Пенза. 1923, 5 июня.
12. Фасхутдинова Е.Н. Учительство Казанской губернии ТАССР в 1918-1930 гг. (по архивным документам). / Е.Н. Фасхутдинова. автореф. канд ист. наук. - Казань. - 2008. – 24.
13. Шакулова В. С. Культурная революция и женский вопрос / В.С. Шакулова // Опыт КПСС в решении женского вопроса. - М., Мысль. - 1981. - С. 77-102.

N. Lipatova

THROUGH A PRISM OF POLITICAL EDUCATION: TEACHERS, SOCIETY AND THE SOVIET REGIME IN 1920S

Abstract: In the USSR, The Uniform Program of Education was introduced as late as in 1929. Prior to that, it was the system of political enlightenment that was thought to be a pivot of schooling. teacher

mastered in propagandist and social work should come to take the place of his classic predecessor who was a mere instructor. The delicate sphere of teachers' relations with students, parents and bureaucracy served a polygon where the Soviet rulers tested new

methods of propaganda, as well as means to direct the lines of interaction between social groups.

Key words: political education, society, the teacher, school, the power, ideology, an education system.

УДК 929 Аксакова

Кулешов А.С.

СУДЬБА Т.А. АКСАКОВОЙ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ XX В.*

Аннотация. В статье на примере судьбы известной мемуаристки Т.А. Аксаковой (урожденной Сиверс) рассматриваются процессы социальной адаптации российского дворянства после 1917 г., причины и механизм репрессий 1930-х гг., направленных против представителей этого сословия, а также процесс реабилитации 1950-х гг.

Ключевые слова: дворянство, мемуары, политические репрессии, реабилитация, Аксаковы.

Гуманизация современного научного знания свидетельствует о фундаментальных изменениях, происходящих в общественном сознании. Интерес к личности проявился в широком распространении методики «микроистории», исследований по истории семьи и частной жизни индивидуума.

Несмотря на рост количества генеалогических исследований, посвященных, в основном, дворянству, остаются большие пробелы в его истории в XX в. Сложность состоит в том, что при отсутствии специфических источников, ориентированных исключительно на дворянское сословие, требуется последовательное, систематическое, комплексное изучение истории большой группы дворянских семей, в результате которого может сложиться достоверное знание о процессах, происходивших во дворянстве в XX веке. Единственная возможность исправить ситуацию – изучать историю конкретных семей.

К числу известных семей, принадлежащих к древнему дворянству, относятся Аксаковы.

Среди источников личного происхождения о роде особое место занимают воспоминания Татьяны Александровны Аксаковой (1892-1981), дочери известного историка, генеалога и нумизмата Александра Александровича Сиверса, жены Бориса Сергеевича Аксакова. Они были написаны в 1945-1970 гг. [6, 7 - 9]. В них содержится обширная информация о судьбах представителей многих

дворянских родов, сведения о быте и образе жизни русского дворянства, о революционных потрясениях 1917 г., гражданской войне, эмиграции и периоде политических репрессий. Воспоминания можно охарактеризовать как источник высокой степени достоверности, как одни из лучших мемуаров, касающиеся истории России первой половины - середины XX века.

Мемуаристка родилась 12 октября 1892 г. (по старому стилю) в Санкт - Петербурге. Ее отец А.А. Сиверс принадлежал к древнему прибалтийскому роду, занимал видный пост в Министерстве Императорского Двора и имел придворное звание камергера. Училась Т.А. Сиверс в престижной гимназии С.А. Арсеньевой в Москве, а в 1910-1913 годы в Строгановском училище.

Борис Сергеевич Аксаков (1886 г. рождения) к моменту знакомства с ней носил звание подпоручика. Венчание их состоялось в Москве, в церкви Бориса и Глеба «что у Арбатских ворот». 24 июля 1915 г. у молодоженов родился сын Дмитрий. В 1916 г. Б. Аксаков командовал образцовой ротой охраны Московского Кремля, где с семьей проживал в казенной квартире.

В апреле 1917 г. Аксаков убыл в действующую армию, в штаб 26-го армейского корпуса, [1] а его семья уехала в Калужскую губернию. В 1918-1919 г. его жена работала делопроизводителем молочной фермы Козельского земотдела, откуда была уволена из-за дворянского происхождения. В это время Борис находился в частях Добровольческой армии на юге России, куда убыл осенью 1918 г. В период эвакуации армии из Новороссийска в 1920 г. Борис Сергеевич Аксаков тяжело заболел тифом и не смог покинуть Россию.

В 1928 г. Аксаковы переехали в Ленинград, но Борис Сергеевич не смог найти подходящего места и, «так как политическая обстановка отнюдь не разряжалась», [6, 443] подписал трехлетний контракт и уехал в Казахстан, в Кызыл-Орду, где занимался сельскохозяйственным снабжени-

---

* © Кулешов А.С.